

ПАТЯ

ТОМ II

Алексей Хамхаев

Пламя

«Автор»

2026

Хамхаев А.

Пламя / А. Хамхаев — «Автор», 2026

Европа горит. Континент, ещё вчера живший по старым правилам, раскололся на Союз Коммунистических Держав и Анти Коммунистическую Коалицию. Война больше не прячется в тени — она вышла на улицы, заполнила небо самолётами, а лёгкие людей — газом. И за всем этим стоит один человек. Дмитрий Порошенко. Майлз и Артемьев возвращаются в пекло. Им предстоит пройти через осаждённый Тель-Авив, через тайные базы в Сеуте, через высадку на берег, который превратился в ловушку. Но теперь у них появляется неожиданный союзник — Уоллес Аллан, отшельник, познавший силу времени. Он больше не скрывается. Он жаждет мести. И его месть может изменить всё. Где-то в другой вселенной, на планете Брюно, рядовой Барб и младший капрал Ворл даже не подозревают, что их служба вот-вот столкнёт их с силами, о которых не пишут в уставах. А в Москве генерал Меньшиков нажимает красную кнопку и запускает цепь событий, которую уже не остановить

© Хамхаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Визит из будущего	5
Глава 2. Должник	9
Глава 3. Дом, где ждали	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей Хамхаев

Пламя

Глава 1. Визит из будущего

*«Время — это иллюзия. Хотя и очень
настойчивая.»*

— *Альберт Эйнштейн*

Он снова был в чертогах. Но в этот раз всё было иначе. Раньше чертоги разума Майлза были лабиринтом из обрывков воспоминаний — аэропорт, залитый кровью; крыши Ханоя, объятые пламенем; тихий сад, где дед пил чай и рассказывал о войне. Образы наслаивались друг на друга, рвались и снова срастались, как шрамы на его теле. Теперь здесь была пустота. Белая, бесконечная, без запаха и звука. Только пол — гладкий, холодный, уходящий за горизонт. Майлз стоял в центре этого ничто и не чувствовал ни страха, ни удивления. В коме разум привыкает ко всему. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он впал в это состояние. Врачи на орбитальной станции, наверное, всё ещё следили за его показателями. Артемьев, наверное, всё ещё приходил и говорил о войне. А Майлз был здесь — в белой пустоте, где не было ни времени, ни направления. А потом пустота перестала быть пустой. В пяти шагах от него, прямо из воздуха, проступила фигура. Знакомая. Размытая, как всегда, но вполне различимая. Уоллес Аллан. Но что-то было не так. Раньше Аллан выглядел как тень — фигура без чётких контуров, словно он существовал сразу в нескольких реальностях и не принадлежал ни одной. Теперь он был... плотнее. Реальнее. Его плащ, тёмно-синий, почти чёрный, лежал на плечах как настоящая ткань. Лицо, прежде скрытое полумраком, теперь можно было разглядеть — худое, усталое, с глубокими морщинами вокруг глаз. Глаза. Вот что изменилось сильнее всего. В них больше не было той ленивой отстранённости, с которой Аллан смотрел на мир раньше. Теперь в его глазах было что-то иное. Не гнев. Не печаль. Скорее — тяжесть. Тяжесть человека, который видел слишком много и несёт это слишком долго. — Здравствуй, Майлз, — сказал Аллан. Голос его звучал так же, как и раньше, — мягко, почти ласково. Но теперь в нём появилась глубина, которой не было прежде. Как будто каждое слово проходило через толщу лет. — Ты изменился, — ответил Майлз. — Время меняет всех. Даже тех, кто стоит вне его. Аллан сделал шаг вперёд. Его шаги не издавали звука, но Майлз видел, как пол под его ногами слегка прогибается, словно он действительно имел вес. — Ты пришёл снова, — сказал Майлз. — Чтобы снова предлагать мне отречься? — Нет. Аллан остановился в двух шагах от него. Теперь Майлз мог видеть его лицо по-настоящему — каждую морщину, каждую тень. Под глазами Аллана залегли тёмные круги. Он выглядел так, будто не спал несколько тысяч лет. — В прошлый раз я был глупцом, — сказал Аллан. — Я думал, что могу предложить тебе выход. Что можно просто отречься — и всё закончится. Я ошибался. — И что изменилось? — Я увидел больше. Аллан поднял руку. И мир вокруг них исчез. Они стояли в космосе. Не в вакууме — Майлз чувствовал, что дышит, чувствовал под ногами невидимую опору. Но вокруг, насколько хватало глаз, простиралась бесконечная чернота, усыпанная звёздами. Галактики, туманности, целые скопления миров — всё это вращалось вокруг них, как огромная, величественная карусель. — Что это? — спросил Майлз. — Время, — ответил Аллан. — Вернее, то, как я его вижу теперь. Он сделал жест рукой, и галактики пришли в движение. Звёзды рождались и умирали за мгновения. Туманности вспыхивали и гасли. Миры сталкивались, раскалывались, снова собирались воедино. Майлз смотрел на это, и что-то в его груди сжималось — не от страха, а от масштаба. — Когда я взял энергию Транга, — сказал Аллан, — я думал, что получу силу. Я и

получил её. Но вместе с ней я получил нечто другое. Понимание.— Понимание чего?— Того, как всё устроено. Аллан повернулся к Майлзу. Теперь они стояли не в космосе, а на берегу океана. Волны лениво накатывали на песок, оставляя за собой полосы пены. Небо было серым, тяжёлым, обещающим бурю.— Время — это не река, — сказал Аллан. — Люди думают, что оно течёт от прошлого к будущему, как вода. Но это ложь. Время — это океан. Он не течёт. Он просто есть. Все моменты существуют одновременно. Прошрое, настоящее, будущее — всё это лишь разные точки на поверхности одного океана.— И ты можешь перемещаться между этими точками?— Могу. Но это не так просто, как кажется. Каждое перемещение имеет цену. Чем дальше ныряешь, тем глубже приходится погружаться. И тем труднее потом вынырнуть. Майлз смотрел на океан. Волны накатывали и отступали, накатывали и отступали. В их движении было что-то гипнотическое, что-то, что заставляло забыть обо всём.— Зачем ты показываешь мне это? — спросил он.— Потому что ты — единственный, кто может меня понять, — ответил Аллан. Они сидели на крыше разрушенного небоскрёба. Где — Майлз не знал. Да это и не имело значения. Внизу, под ними, лежал мёртвый город. Разрушенные здания, поросшие вьюном, молчаливые улицы, по которым ветер гонял пыль и мусор. Ни одной живой души. Только пустота. Аллан сидел на краю крыши, свесив ноги. Его плащ хлопал на ветру. Майлз стоял рядом, скрестив руки на груди.— Ты когда-нибудь думал о смысле? — спросил Аллан.— О смысле чего?— Всего. Жизни. Войны. Вселенной. Майлз молчал.— Я думал, — продолжал Аллан. — Миллионы лет я наблюдал за войной Альфы и Альянса. Я был на стороне одной, потом на стороне другой. Я воевал, убивал, побеждал. А потом я ушёл, решив, что и та, и другая сторона — бессмысленны. Что война бессмысленна. И был прав. Он замолчал, глядя на мёртвый город внизу.— Но я ошибался в другом, — сказал он наконец. — Я думал, что если выйти из игры, то обретёшь покой. Я думал, что отшельничество — это ответ. А потом я получил силу Транга и увидел всё. И понял, что покоя не существует. Есть только движение. От одной точки океана к другой. И если ты остановился, это не значит, что ты обрёл покой. Это значит, что ты затонул.— И что ты теперь? — спросил Майлз. — Утонул или плывёшь? Аллан усмехнулся — впервые за весь разговор.— Пока плыву. Но течения становятся всё сильнее. Они шли по заснеженной равнине. Снег хрустел под ногами, хотя Майлз не чувствовал холода. Небо было чистым, усыпанным звёздами, и где-то вдалеке поднимались горы, чьи вершины терялись в облаках.— Время, — сказал Аллан, не оборачиваясь, — обладает странным свойством. Оно не только существует одновременно. Оно ещё и даёт возможность видеть одни и те же события с разных сторон. Как кристалл. Поворачиваешь — и видишь новую грань. И каждая грань — правда. Но ни одна из них не является всей правдой.— Ты говоришь загадками, — заметил Майлз.— Потому что сам ещё не всё понял, — честно ответил Аллан. — Я вижу больше, чем любой из живущих. Но я не всезнающ. Я вижу океан, но не могу объять его целиком. Поэтому мне нужен ты. Он остановился и повернулся к Майлзу.— Ты прошёл через ад, Майлз. Через огонь Ханоя, через предательство Снейка, через кому, через войну. Ты не сломался, хотя должен был. И сейчас ты стоишь здесь, в чертогах своего разума, и слушаешь меня, хотя мог бы просто закрыться от всего.— Зачем тебе я? — спросил Майлз. — Ты всемогущ. Ты можешь перемещаться во времени. Что я могу дать тебе?— Я могу перемещаться, — согласился Аллан.— Но я не могу быть везде одновременно. А надвигается то, что требует не одного наблюдателя, а двух. Мне нужен тот, кто сможет видеть то, что не вижу я. Тот, кто знает Землю. Тот, кто знает Порошенко. Тот, кто знает войну не по картам, а изнутри. Он посмотрел Майлзу прямо в глаза.— Мне нужен ты, Майлз. И я готов показать тебе всё. Но решение — за тобой. Майлз долго молчал. Вокруг них снова была белая пустота. Аллан стоял напротив, ожидая ответа. Его фигура больше не была размытой — теперь он выглядел как живой человек, усталый и старый, но живой.— Ты так и не сказал, для чего всё это, — произнёс наконец Майлз. — Для чего ты показываешь мне время, океаны, мёртвые города. Для чего вся эта философия. Аллан медленно опустил голову.— Ты прав, — сказал он. — Я ходил вокруг да около. Пора сказать

прямо. Он поднял глаза, и Майлз увидел в них то, чего не видел раньше. Не усталость. Не мудрость. Не отстранённость. Боль. — Я расскажу тебе, для чего всё это, — тихо произнёс Аллан. — Я покажу тебе то, что не показывал никому. И ты поймёшь, почему я больше не могу молчать. Он сделал шаг вперёд и протянул руку. — Пойдём, Майлз. Я покажу тебе правду. И мир вокруг них снова изменился. Они оказались в комнате. Маленькой, бедной, с низким потолком и деревянными стенами. Пахло дымом и сухими травами. В углу горела свеча, отбрасывающая на стены дрожащие тени. Майлз огляделся. Он не знал этого места, но чувствовал: оно настоящее. Не видение, не воспоминание. Настоящий кусок прошлого, вырванный из океана времени и поставленный перед ними. — Где мы? — спросил Майлз. — Бутан. Столица. 1965 год, — ответил Аллан. Голос его был глухим, как будто каждое слово причиняло ему боль. — Зачем мы здесь? — Смотри. Майлз перевёл взгляд. В центре комнаты, у стены, стояла кровать. Простая, деревянная, с грубым одеялом. На кровати спала девочка. Маленькая, лет шести, с тёмными волосами, рассыпавшимися по подушке. Она дышала ровно и спокойно, и на её лице не было ни тревоги, ни страха — только детский, безмятежный сон. А рядом с кроватью стоял человек. Майлз не сразу узнал его. Лицо было моложе, чище, без морщин. Глаза — светлее, без той тяжести, что он видел сейчас. Но это был он. Аллан. Молодой Аллан стоял у кровати и смотрел на спящую девочку. В его взгляде была такая нежность, такая незащищённая, всепоглощающая любовь, что Майлз на мгновение отвёл глаза. — Это моя дочь, — сказал Аллан, и голос его дрогнул. — Её звали Амира. — Звали? — Смотри. В этот момент раздался стук. Тихий, но настойчивый. Три удара в дверь. Молодой Аллан поднял голову. На его лице мелькнуло беспокойство, но он быстро взял себя в руки. Он подошёл к двери, взялся за ручку и открыл. На пороге стоял солдат. Один из тех немногих наёмников, которых Аллан держал для охраны. Простой человек, верный, немногословный. Сейчас он выглядел странно — бледный, дрожащий, с вытаращенными глазами. Его рот был приоткрыт, как будто он хотел что-то сказать, но не мог. Он поднял руку. Указательный палец был направлен куда-то вверх, как будто он хотел произнести что-то важное, но слова застряли в гортани. — В чём дело? — спокойно спросил молодой Аллан. Солдат так и не ответил. Пуля вошла ему в затылок и вышла через лоб. Брызнуло кровью. Солдат рухнул на пол, как подкошенный, и его тело осталось лежать в дверном проёме. В комнату вошли люди. Четверо. Все с АК. Грязная одежда, грубые лица. Один из них — с адмиральским беретом, лихо сдвинутым набок, — сразу направился к кровати. Он не смотрел на Аллана. Его интересовала только девочка. Остальные держали Аллана. Схватили за руки, прижали к стене. — Стоять, — сказал один из них. — Дёрнешься — пристрелим. Человек в берете подошёл к кровати и встал над спящей девочкой. Он медленно поднял АК и нацелил его на неё. Майлз смотрел на это, и что-то в нём холодело. Он знал, что это было давно. Знал, что это уже случилось. Но видеть это было невыносимо. Молодой Аллан больше не был спокойным. Лицо его исказилось. Не страхом — яростью. Той самой яростью, которая приходит, когда терять уже нечего. Его дочь — последняя надежда. Последняя ниточка, связывавшая его с миром. И её собирались оборвать. Он рванулся. Один из солдат не удержал его. Аллан метнулся к столу, где лежал нож — простой кухонный нож, ржавый, но острый. Схватил его. Развернулся. Ударил. Шесть ударов в шею человека в берете. Тот захрипел, выпустил АК, повалился на пол. Кровь хлестала из раны, как вода из прорванной трубы. Аллан не остановился. Он бросился к дочери. Хотел подхватить её, унести, спасти. Но его схватили. Двое оставшихся солдат навалились на него сзади, повалили на пол, выкрутили руки. Третий достал шприц. — Держи его! — крикнул кто-то. Игла вошла в шею. Снотворное растеклось по венам. Мир перед глазами Аллана поплыл, стал расплывчатым, далёким. Последнее, что он видел, — кровать. И девочку. И ствол, снова поднявшийся над ней. Потом темнота. Видение исчезло. Майлз снова стоял в белой пустоте. Аллан — прежний, измученный, постаревший — стоял напротив. По его щекам текли слёзы. — Вот для чего всё это, — сказал он. — Для мести. Он поднял руку и вытер лицо. Но слёзы всё равно текли. — Я искал их, Майлз. Десятилетиями. Веками. Я шёл

по следу, который они оставили. И теперь, когда у меня есть сила, я найду их всех. Я вырву их из времени, из какой бы дыры они ни прятались. И я отомщу. Он посмотрел на Майлза. В его глазах было столько боли и решимости, что у Майлза перехватило дыхание. — Вот для чего всё это, — повторил Аллан. — Вот для чего я здесь. И вот почему мне нужен ты. Майлз молчал. Он смотрел на человека, который когда-то был отшельником. Который предлагал ему отречься от всего. И понимал: перед ним стоит не мудрец, не наблюдатель. Перед ним стоял отец.

Глава 2. Должник

*«Война не определяет, кто прав.
Она определяет, кто останется.»*

— *Бертран Рассел*

Сознание возвращалось рывками, как будто кто-то дёргал за нить, связывающую его с миром. Сначала — звук. Голоса. Чужие, резкие, говорившие на языке, который Аллан знал, но не узнавал. Португальский. Слова доносились обрывками, как сквозь толщу воды. Один смеялся. Второй отвечал что-то недовольное. Потом — запах. Сигарный дым. Горький, тяжёлый. Он наполнял воздух, оседал на языке, проникал в лёгкие. Потом — ощущение собственного тела. Колени. Он стоял на коленях. Земля была холодной, влажной, пахла прелой листвой и ночным туманом. Поляна. Лес. Деревья смыкались над головой чёрными кронами, не пропускающая света звёзд. Руки связаны за спиной. Верёвка впивалась в запястья, жёсткая, усиленная чем-то — не то проволокой, не то специальными волокнами. Он уже пробовал освободиться, ещё до того, как пришёл в себя окончательно. Бесполезно. Узлы были затянуты профессионалами. Двое солдат стояли по бокам. Они не смотрели на него — они смотрели на лес, на дорогу, на что угодно, кроме пленника. Их АК висели на ремнях, но руки лежали на цевье. В любой момент они могли вскинуть оружие и открыть огонь. Аллан поднял голову. И в этот момент тишину разорвали шаги. Тяжёлые, размеренные. Человек шёл неспешно, уверенно, как ходят те, кто привык, что перед ними расступаются. Аллан услышал, как хрустнула ветка под его ботинком. Услышал, как смолкли голоса солдат. Человек вышел на поляну. Он был лет сорока, невысокий, но плотный, с грубыми чертами лица, обветренного ветром и солнцем. Один глаз его был закрыт — не повязкой, а просто сомкнут навсегда, обезображенный шрамом, который тянулся от брови до скулы. Второй смотрел холодно, оценивающе, как смотрит хищник на загнанную добычу. Между пальцами он держал сигару. Кубинскую. Толстую, тёмную. Дым поднимался в ночное небо, смешиваясь с туманом, и в этом дыме было что-то почти ритуальное. Человек остановился перед Алланом. Долго смотрел на него сверху вниз. Затем вынул сигару изо рта, стряхнул пепел на землю и улыбнулся — медленно, растянуто, как будто смакуя момент. — Ну что, должник, — произнёс он на португальском. Голос у него был низкий, с хрипотцой. — Не хотел отдавать свой долг. Будешь платить тем, чем есть. Аллан дёрнулся. Тело сработало раньше разума. Он рванулся из пут, напрягая мышцы до предела, но верёвка даже не скрипнула. Усиленная. Такими вяжут тех, кого не собираются отпускать. Роберто наблюдал за его попытками с тем же спокойствием, с каким смотрят на муху, бьющуюся о стекло. Он сделал ещё одну затяжку, выпустил дым через нос и перевёл взгляд на солдат. — Потом поговорим, — сказал он. — Казнить его. Он повернулся и пошёл к машине. Старый тёмный джип стоял у края поляны, почти невидимый в ночи. Хлопнула дверца. Заурчал мотор. Фары мигнули и погасли. Машина тронулась и исчезла за деревьями, оставив после себя только запах бензина и пыли. Солдаты переглянулись. Первый — высокий, сутулый, с неровно подстриженной бородой — переступил с ноги на ногу. Он потянулся к предохранителю АК, чтобы перевести оружие в боевое положение. Щёлкнул металл. В тишине ночного леса этот звук прозвучал как приговор. Ствол поднялся. Аллан смотрел в чёрный зрачок дула и не видел в нём ничего, кроме пустоты. Он не молился. Не просил. Не закрывал глаза. Если это конец, он встретит его стоя. Даже на коленях. И тут из леса вылетел солдат. Он бежал, задыхаясь, размахивая руками. На его спине висел дробовик — широкий, с характерным силуэтом. СПАС-12. Трофейный. Такие в этих краях были редкостью. Солдат закричал что-то по-португальски. Быстро, сбивчиво. Аллан разобрал только отдельные слова: «приказ», «отменить», «отвести». Солдаты, что

стояли рядом с Алланом, опустили оружие. Они переглянулись, пожали плечами и отошли на несколько шагов. Нехотя, но послушно. Прибежавший солдат встал напротив Аллана. Аллан поднял голову и встретился с ним взглядом. Лицо было наполовину скрыто банданой, но что-то в этих глазах показалось ему знакомым. Что-то из прошлого. Что-то, что он не видел уже много лет. Солдат снял с плеча СПАС-12 и направил его на Аллана. Аллан не отвёл взгляд. И тогда солдат резко развернулся. БАХ. Выстрел разорвал ночь. Первый солдат — тот, что щёлкал предохранителем, — отлетел назад, как от удара кулаком. Его АК выпал из рук и покатился по земле. БАХ. Второй даже не успел поднять оружие. Заряд дробы попал ему в грудь, отбросив на несколько метров. Тело рухнуло в кусты и затихло. Аллан смотрел на это, и в его голове не было ни одной мысли. Только пустота. Та самая, что приходит после несостоявшейся смерти. Солдат опустил дробовик. Медленно поднёс руку к лицу и сдёрнул бандану. Аллан узнал его. Мейс. Мейс. Старый друг. Приятель, который всегда появлялся в самый трудный момент. Который вытаскивал его из передраг, когда, казалось, выхода нет. Они не виделись несколько лет, но это лицо Аллан узнал бы где угодно. Мейс присел на корточки, осмотрел верёвку. Затем поднял дробовик и выстрелил в узел — коротко, точно, почти в упор. Верёвка лопнула. — Нас никто не видел, — сказал Мейс. Голос его был тихим, но твёрдым. — Тебе повезло. Ещё минута — и ты был бы трупом. Он говорил на английском, с лёгким акцентом, который Аллан помнил с прежних лет. Мейс всегда так говорил — спокойно, немного растягивая слова. — Ты чуть не попал в лапы этого боливийского наркоторговца, — продолжал Мейс. — Роберто не из тех, кто прощает. Ты должен ему, и он это так не оставит. Возьми дробовик. Он тебе понадобится. Мейс протянул СПАС-12. Аллан посмотрел на оружие. Затем на Мейса. Затем на тела солдат, лежащие на земле. Он ничего не сказал. Просто взял дробовик, поднялся на ноги и пошёл в сторону дома. Туда, где спала дочь.

Глава 3. Дом, где ждали

*«Ярость — это не безумие. Ярость —
это ясность, которую не замутнить
ничем.»*

— *Луций Анней Сенека*

Аллан бежал. Лес рвал одежду, ветки хлестали по лицу, но он не чувствовал боли. В правой руке — дробовик. В левой — пустота, сжатая в кулак. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание вырывалось рваными толчками, а в голове было только одно слово. Дочь. Он бежал, и мир вокруг превращался в размытые пятна. Деревья мелькали, как чёрные стены. Тропа уходила из-под ног, но он не спотыкался. Тело работало само, ведомое инстинктом, который был древнее разума. На пути вырастали солдаты. Они патрулировали местность, рассредоточившись по лесу. Видели просто человека в белой рубашке, с дробовиком наперевес, бегущего сквозь ночь. Поднимали автоматы. Открывали огонь. Но Аллан был быстрее. Ярость придавала ему скорость, которой не ожидал никто. Он двигался рывками, меняя направление, исчезая из поля зрения до того, как солдаты успевали нажать на спуск. Некоторые так и замирали, дезориентированные, не понимая, куда целиться, и в этот момент дробовик уже говорил. БАХ. Первый выстрел разнёс грудь ближайшего солдата. Тело отбросило назад, из раны брызнуло тёмным. БАХ. Второму оторвало руку. Он закричал, завалился набок, пытаясь зажать культю, но кровь хлестала, как из прорванной трубы. Аллан не останавливался. Он пробегал мимо умирающих, не глядя на них. Их стоны оставались позади, как и всё остальное. Из кустов вылетел солдат с мачете. Он был похож на безумца — лицо перекошено, глаза выпучены, изо рта летела слюна. Он замахнулся, целя Аллану в шею, но не успел. Аллан ударил его левым кулаком. Удар пришёлся в челюсть, голова солдата мотнулась в сторону, и в этот момент Аллан выхватил мачете из его ослабевшей руки. Одно движение. Клинок рассёк воздух. Голова отделилась от тела и покатила по земле, оставляя тёмный след. Аллан побежал дальше. У ворот его ждали свои. Несколько солдат — те самые наёмники, которых он держал для охраны. Они стояли, прижавшись к стене, с оружием наготове. Рядом, тарахтя мотором, стоял старый грузовик. В кузове, за стационарным пулемётом, сидел боец с каменным лицом. Аллан ворвался на площадку перед воротами, как разъярённый зверь. Грудь ходила ходуном, белая рубашка была в крови — чужой, в основном, но и своей тоже. — Вылет дверь! — выдохнул он. Солдат у ворот понял его без лишних слов. Он повернулся к водителю грузовика и махнул рукой. Мотор взревел. Грузовик рванул вперёд и ударил в ворота. Дерево затрещало, металл заскрежетал. Машина не понесла урона — ворота были старые, держались на честном слове. Через секунду створки разлетелись в стороны, и путь был открыт. Боливийские солдаты хозяйничали на его территории. Они стояли во дворе, у дома, на крыльце. Курили, смеялись, обыскивали ящики. Чувствовали себя хозяевами. Зря. Аллан поднял дробовик. Его солдаты открыли огонь. Бой разорвал ночь. Пулемёт в кузове грузовика заработал, поливая двор свинцом. Солдаты Роберто падали, как снопы. Некоторые пытались отстреливаться, но их было слишком мало, и они не ожидали такой атаки. Через несколько секунд во дворе не осталось ни одного живого врага. Аллан вошёл в дом. Дробовик уже не работал — перегрелся, заклинил, он не помнил. Бросил его на пол. В руке остался только мачете. В каждом коридоре стояли вражеские солдаты. По трое. По четверо. Они поднимали оружие, целились, стреляли. Но Аллан шёл вперёд, и мачете в его руке пело. Взмах. Отлетела рука. Ещё взмах. Распоротый живот. Солдаты кричали, падали, пытались уползти. Он не добивал. Он шёл. Коридор, ведущий в спальню. Он остановился, и сердце его оборвалось. Весь коридор был заставлен взрывными бочками. Металлические цилиндры, покрытые маркировкой. Они стояли вдоль стен, друг на друге, уходили

цепочкой к самой двери спальни. Достаточно одной искры — и от дома не останется ничего. В конце коридора стоял Роберто. Он не бежал. Не прятался. Он стоял, как человек, который знает, что уже победил. Его единственный глаз смотрел на Аллана с холодным, почти скучающим выражением. Медленно, не сводя взгляда, Роберто достал гранату. Взвесил её в руке. Выдернул чеку. Аллан побежал. Граната полетела. Медленно, как в дурном сне. Аллан прыгнул, вытянул руки. Он не смог её поймать. Но кончиками пальцев перенаправил — в боковой коридор. Грохот. Бочки взорвались. Стена огня и осколков ударила со всех сторон. Пол ушёл из-под ног. Потолок рухнул. Аллана швырнуло в темноту, засыпало обломками. Он отключился. Очнулся под обломками. Дышать было трудно. Грудь придавила балка. Во рту — пыль и кровь. В ушах — звон. Он не понимал, жив ли ещё, и не знал, хочет ли быть живым. А потом услышал голос. Из громкоговорителя. Усиленный, резкий, искажённый. Панамская речь. Он не разбирал слов, но узнал интонацию — военное командование, отдающее приказы. Через секунду обломки зашевелились. Его вытаскивали. Руки — сильные, надёжные. Мейс. И ещё кто-то, в панамской военной форме, с нашивками незнакомого подразделения. Мейс что-то говорил, но Аллан не слышал. Он смотрел на него, хватая ртом воздух, и наконец выдавил одно слово: — Дочь. Мейс посмотрел на него. В его глазах было то самое выражение, которое Аллан боялся увидеть больше всего. — Она в тяжёлом состоянии, — тихо сказал Мейс. Мир снова поплыл. Туман. Он окутал всё — обломки, Мейса, панамского солдата, дом, лес. Мягкий, серый, равнодушный. Он скрыл 1965 год и вернул их в белую пустоту. Майлз снова стоял напротив Аллана. Только теперь он смотрел на него иначе. Не как на загадочного отшельника. Не как на могущественное существо, способное перемещаться во времени. Как на сломленного человека. Аллан поднял голову. По его лицу снова текли слёзы, но голос был твёрдым. — Просто не мешайся на пути, — сказал он. — И я выполню свою месть. Майлз открыл рот, чтобы ответить. Но не успел. Он проснулся. Белый потолок госпиталя. Пиканье приборов. Холодный свет ламп. Рядом стоял Артемьев. Он держал в руках планшет с данными и смотрел на Майлза так, будто увидел призрака. Планшет выскользнул из его рук и с глухим стуком упал на пол. — Майлз... — прошептал Артемьев. Майлз медленно сел на кровати. Тело слушалось плохо, но это было неважно. Важно было другое. Он помнил всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.